

— Старейшина, вы сказали, что хотите, чтобы я отправила моего далана учиться в школу раньше времени?

Госпожа Мэн Юнь была немного удивлена, не понимая причины, по которой старейшина пришел сказать это лично.

— Верно, — кивнул Цзян Чун.

Вчера вечером он и его сын долго обсуждали поразительное выступление Цзян Лю. Цзян Чун чувствовал, что такой талант не должен пропадать зря.

Подумать только, прослушав несколько раз, как другие ученики читают «Наставления ученикам» из «Троесловного канона», он смог с легкостью запомнить и рассказать их. А если он начнет усердно учиться, то наверняка сможет усвоить эту науку целиком.

Имперские экзамены весьма сложны. Самый легкий из них — на получение третьей ступени ученого и звание студента, который проходят ученики школ. Если вы знаете наизусть «Четырехкнижие» и «Пять канонов» и понимаете их смысл, то, в принципе, пройдете.

П.р.: «Четырехкнижие» и «Пять канонов» (四書五經, sì shū wǔ jīng) — канонические тексты конфуцианства.

Но сдать экзамены на вторую и первую ступень не так просто. Их не сдашь просто вызубрив книгу.

Цзян Лю обладал способностью никогда ничего не забывать, поэтому он без труда сможет сдать экзамен на студента с первого раза. Цзян Чун также чувствовал, что с такими мозгами этот мальчик, определенно, способен не только зубрить. Возможно, его будущее окажется куда более замечательным, чем они могут сейчас представить.

Поэтому Цзян Чун кратко объяснил причину, по которой он пришел сегодня в дом Цзян Лю. Он также не забыл добавить:

— Если у вашей семьи есть какие-то финансовые трудности, я могу снизить плату за обучение вдвое.

Несмотря на то, что Цзян Чун являлся старейшиной, он не мог полностью оплачивать обучение Цзян Лю. В конце концов, клан Цзян велик, и есть много детей, которые в настоящее время находятся в школьном возрасте. Если бы он совсем отменил плату за обучение Цзян Лю, другие могли потребовать того же.

Следует отметить, что были также бедные учителя, жизнь которых зависела от платы за обучение. Несмотря на то, что он был старейшиной, он не мог требовать такого от школы.

Но уменьшение оплаты — совсем другое дело. Он сделал то же самое для обучения своего сына, и никто не жаловался на это.

— Старейшина, вы говорите, что мой сын — гений, который никогда не забывает ничего, что услышал?

Госпожа Мэн Юнь была удивлена и обрадована. Она никогда не думала, что ее сын может оказаться гением.

По правде говоря, госпожа Мэн Юнь всегда считала, что ее сын довольно туповат: медлительный и глупый. Хотя она всегда говорила, что хочет отправить его в школу, чтобы он сдал экзамен на степень и стал ученым, на самом деле, в глубине души у нее не было больших надежд в отношении ума своего сына.

Больше всего госпожа Мэн Юнь хотела, чтобы ее сын стал более грамотным и разумным, чтобы в будущем он унаследовал ремесло по производству тофу, и они вдвоем могли открыть магазин и жить в мире. Это должно было обеспечить ему стабильное будущее.

— Старейшина, вы можете быть уверены, далан — мой единственный сын, и даже если мне придется стиснуть зубы, я обязательно отправлю его учиться.

Госпожа Мэн Юнь не думала, что старейшина будет лгать ей. В конце концов, этот человек готов снизить половину платы за обучение, сказав, что у ее сына есть талант к учебе. Даже если бы ей пришлось потерять всякую гордость и вернуться в свой родной дом, чтобы занять денег, она готова была сделать это, чтобы отправить сына учиться.

И это не было преувеличением.

Госпожа Мэн Юнь тщательно все обдумала. Когда ее муж был серьезно болен, потребовалось много денег, чтобы найти врача, а также купить лекарства. Они израсходовали почти все деньги, которые заработали после того, как их семья стала независимой. Наконец, чтобы провести похороны мужа, она заняла деньги у семьи. Несмотря на то, что было потрачено не так много денег, они все еще были должны другим.

Позже она отдала шесть акров земли, принадлежащих семье Цзян, клану в обмен на продовольственные пайки для нее и Цзян Лю. А поскольку они все еще находились в трехлетнем трауре, им не разрешалось есть мясо и рыбу, и их трапеза состояла в основном из домашнего тофу и овощей, выращенных на заднем дворе. Таким образом, они почти ничего не тратили на еду и одежду, и ей удалось сэкономить немного денег.

За последние два года она также кое-что заработала на продаже тофу. Наконец, в последние пару месяцев ей удалось расплатиться с последними долгами. Теперь старейшина сказал ей, что готов сократить плату за обучение ее сына вдвое. Она начала подсчитывать активы, которыми располагает семья. Если она продаст пару старых куриц, а также серебряную

заколку для волос из своей шкатулки, этого должно хватить и на оплату обучения, и на покупку «четырех сокровищ письменного стола».

П.р.: «Четыре сокровища письменного стола» (文房四寶, wénfáng sìbǎo) — идиома для обозначения письменных принадлежностей того времени: бамбуковая кисть, рисовая бумага, тушь и тушечница.

Вспомнив о своей серебряной заколке для волос, госпожа Мэн Юнь погрузилась в воспоминания, но быстро очнулась, когда старейшина продолжил:

— Рад это слышать.

Старейшина вздохнул с облегчением и не стал задерживаться в доме семьи Цзян. В конце концов, госпожа Мэн Юнь была вдовой, и хотя он был достаточно стар, не было никакой гарантии, что он сможет избежать злых языков любительниц глупых сплетен.

После того, как старейшина ушел, госпожа Мэн Юнь вместо того, чтобы вернуться к своим делам, бросилась в комнату сына и с радостным криком стала будить Цзян Лю, который всю ночь практиковался в чистописании.

— Мамин хороший мальчик, ты моя гордость, мой милый, мое драгоценное яйцо! Почему ты такой блистательный и способный?

Госпожа Мэн Юнь тискала маленькое круглое личико своего сына, целовала его направо и налево и, казалось, никак не могла насытиться этим.

Под такие бурные проявления внимания Цзян Лю наконец-то пришел в себя.

— Далан расскажи маме сочинение, которое ты читал дяде Фанчжэну, чтобы матушка тоже могла послушать, что изучают в школе.

Ей казалось, что это слишком похоже на сон. Даже если сам старейшина похвалил ее сына, она все равно хотела убедиться в этом лично. В конце концов, госпожа Мэн Юнь все еще немного сомневалась в своем сыне. Она боялась, что Цзян Фанчжэн признал не того человека и перепутал Цзян Лю с другим ребенком из их семьи.

Услышав слова матери, Цзян Лю мгновенно проснулся. Он понял причину, по которой мама разбудила его этим утром. Похоже, что уже проявились результаты его вчерашнего выступления.

— Сочинение, которое я читал дяде Фанчжэну?

Цзян Лю вел себя как ребенок, протирая глаза кулачками и жмурясь. Затем он наклонил голову и притворился, что вспоминает:

В природе человека

Добрый нрав.

Чтоб сродниться с природой

Упражнений путь долгий...

От одного до десяти

От десяти до ста

От ста до тысячи

От тысяч до десятков тысяч...

— Ну и еще:

Наставление ученикам

Мудрецы излагают...

Поучение родителей

Следует слушать с почтеньем...

Вещи, даже малые

Не стоит утаивать...

— Дальше я не помню...

Поскольку он только что проснулся и еще не успел выпить воды, его горло быстро пересохло. Цзян Лю облизнул губы, больше ничего не говоря.

Госпожа Мэн Юнь не поняла, что означают эти слова, но она чувствовала, что текст был

удивительно элегантным и звучал так красиво, особенно когда его читал ее драгоценный сын, что это было лучше любых песнопений.

— Мамин далан добился таких успехов! Отныне мама рассчитывает на тебя.

Она взяла пухлое лицо сына в ладони и поцеловала его в обе щеки, а затем обняла его и заплакала от радости.

За два года, прошедшие после смерти мужа, госпоже Мэн Юнь пришлось пережить гораздо больше лишений, чем могли видеть посторонние. Как вдова, она должна была стать опорой своей семьи так же, как это делают мужчины. Ей пришлось быть даже более суровой, чем обычный мужчина, и более напористой, чем самая наглая склочница. Ведь только так она могла отогнать злобных волков, жаждущих богатства их семьи, и сохранить свой маленький дом.

Всегда находился кто-то, кто шептался за ее спиной и называл ее внешность возмутительно соблазнительной, а ее саму — неспособной прожить без мужского внимания. Другие говорили, что она была слишком язвительной и грубой, по отношению к семье своего деверя, и полностью лишена добродетели старшей невестки...

П.р.: Если кто вдруг забыл, то деверь — это брат мужа.

Все эти слухи... На людях госпожа Мэн Юнь проявляла свое великодушие и лишь посмеивалась над этими людьми.

Но мало кто задумывался о том, что она вышла замуж в шестнадцать лет и уже через год родила своего первенца, Цзян Лю. Ей было всего двадцать, когда ее муж серьезно заболел и она осталась содержать семью одна. А сейчас ей только двадцать два.

Будучи женщиной в самом расцвете, она не смеет ни нарядиться, ни украсить себя. Мэн Юнь была вынуждена нести на своих хрупких плечах груз финансового благополучия семьи, растить ребенка, еще и разгонять всех этих волков и тигров. Рядом с ней не было никого, кому она могла бы пожаловаться, поэтому ей приходилось глотать всю свою горечь в одиночку.

Она никогда никого не обижала, и все же мало кто относился к ней хорошо.

В сердце госпожи Мэн Юнь было слишком много горечи. И в этот момент радости она наконец-то смогла выплакать всю свою боль.

— Мамино дитятко... Мой дорогой сыночек... Сокровище мое, малыш... — продолжала приглушенно повторять госпожа Мэн Юнь сквозь слезы.

Для нее Цзян Лю был всем. Он был ее единственной надеждой. Все ее радости и печали были

сосредоточены на нем.

Слушая плач своей прекрасной матери, он ощутил, как его сердце тоже сжалось.

Цзян Лю не знал, было ли это его собственным сочувствием или эмоциями, оставшимся от первоначального тела, но он не мог удержаться, чтобы не поднять руку и не обнять талию этой женщины, пытаясь успокаивающе похлопать ее по спине.

— Подожди-ка!

Слезы его матери разом высохли.

— Старейшина сказал мне, что ты не забываешь ничего из того, что слышал раньше. Ты даже смог запомнить и повторить каждое слово из текста, прослушав его всего несколько раз. Это же не значит, что ты выучил все те злые слова, которые использовала мама, когда ссорилась с другими? — госпожа Мэн Юнь обхватила лицо своего гениального сына и, пристально глядя на него, спрашивала со всей серьезностью.

Цзян Лю, собиравшийся утешить свою прекрасную мать, содрогнулся, вспомнив о мачете, которое она держала в руках в тот день, и заискивающе улыбнулся красавице перед ним.

Что ж, он все еще ее любимый малыш, не так ли?

Автору есть что сказать: Мне пришлось изменить дату смерти отца оригинала на то время, когда Цзян Лю было только четыре года. При проверке информации выяснилось, что во время трехлетнего траура запрещалось участвовать в императорском экзамене, а наш малыш Цзян хочет стать маленьким вундеркиндом.

П.п: Благодарю за внимание :) Пожалуйста, поставьте свою оценку роману здесь:
<https://tl.rulate.ru/book/45346>

Присоединяйтесь к нашей группе - <https://vk.com/webnovell> (промокоды на главы, акции, конкурсы и прочие плюшки от команды по переводам К.О.Д.)

<http://tl.rulate.ru/book/45346/1668384>